изд Элпидина.

ДЕНЬГИ

ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
68, rue du Rhône, 68
1890

„Пров 38“

„Пров 49“

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
103004

ДЕНЬГИ

Л. Н. Толстого.

I.

Деньги! Чтожъ такое деньги? Деньги представляютъ трудъ. Я встрѣчалъ образованныхъ людей, которые утверждали, что деньги представляютъ даже трудъ того, кто ими владѣетъ. Каюсь, что я прежде какъ-то неясно раздѣлялъ такое мнѣніе. Но мнѣ надо было узнать основательно, что такое деньги. И чтобы узнать это я обратился къ наукѣ. Наука говоритъ, что деньги не имѣютъ въ себѣ ничего несправедливаго и вреднаго, что деньги есть естественное условіе общественной жизни — необходимое: 1) для удобства обмѣна, 2) для установленія мѣръ цѣнности, 3) для сбереженія и 4) для платежей. То очевидное явленіе, что если у меня есть три лишнихъ, не нужныхъ для меня рубля въ карманѣ, то я, свиснувъ, могу набрать въ каждомъ городѣ цивилизованномъ сотню людей готовыхъ за эти три рубля сдѣлать по моей волѣ самыя тяжелыя,

отвратительныя и унизительныя дѣла, происходитъ не отъ денегъ, а отъ очень сложныхъ условій экономической жизни народовъ. Властвованіе однихъ людей надъ другими происходитъ не отъ денегъ, а отъ того, что рабочій получаетъ не полную стоимость своего труда. Не полную же стоимость своего труда онъ получаетъ отъ свойствъ капитала, ренты и заработанной платы и сложныхъ отношеній между ними и между самымъ производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ богатствъ. Порусски выходитъ, что люди, у которыхъ есть деньги, могутъ вить веревки изъ тѣхъ, у кого нѣтъ денегъ. Но наука говоритъ, что дѣло не въ томъ. Наука говоритъ: во всякаго рода произведеніяхъ участвуютъ три фактора: земля, запасы труда (капиталъ) и трудъ. И вотъ отъ различныхъ отношеній между собою этихъ факторовъ производства, оттого, что два первые фактора — земля и капиталъ — находятся не въ рукахъ рабочихъ, а другихъ лицъ, отъ вытекающихъ изъ этого весьма сложныхъ комбинацій происходитъ порабощеніе однихъ людей другими. Отчего происходитъ то денежное царство, которое поражаетъ насъ всѣхъ своею несправедливостью и жестокостью? Отчего одни люди посредствомъ денегъ властвуютъ надъ другими? Наука говоритъ: отъ дѣленія факторовъ производства и происходящихъ отъ того комбинацій, угнетающихъ рабочаго. Отвѣтъ этотъ мнѣ всегда казался страннымъ не только тѣмъ, что оставляетъ въ сторонѣ одну часть вопроса — именно: о значеніи при этомъ денегъ—но и тѣмъ дѣленіемъ факторовъ производства, которое свѣжему человѣку всегда представляется искусственнымъ и не отвѣчающимъ дѣйствительности. Утверждается, что въ каждомъ производствѣ участвуютъ три фактора: земля, капиталъ и трудъ, и при этомъ дѣленіи подразумѣвается, что богатства (или

цѣнность ихъ — деньги) естественно подраздѣляются между тѣмъ, кто владѣетъ тѣмъ или другимъ факторомъ: рента — цѣнность земли — принадлежитъ землевладѣльцу, процентъ капиталисту, а заработная плата за трудъ — рабочему. Такъ ли это? Во первыхъ, справедливо ли то, что въ каждомъ производствѣ участвуютъ три фактора? Вотъ, вокругъ меня, въ то время, какъ я пишу это, совершается производство сѣна. Изъ чего слагается это производство? Мнѣ говорятъ: изъ земли, которая выростила сѣно, изъ капитала — косъ, грабель, вилъ, телѣгъ. нужныхъ для уборки сѣна и изъ труда. Но я вижу, что это неправда. Кромѣ земли принимаютъ участіе въ производствѣ сѣна: солнце, вода, общественное устройство, оберегавшее эти луга отъ потравы, знаніе рабочихъ, ихъ умѣнье говорить и понимать слова и еще много другихъ факторовъ производства, которые почему-то не принимаются политической экономіей. Сила солнца такой же факторъ всякаго производства, еще болѣе необходимый, чѣмъ земля. Я могу себѣ представить положеніе людей, при которомъ (въ городѣ напримѣръ) одни люди признаютъ за собою право заслонять стѣнами или деревьями отъ другихъ солнце; почему же оно не включено въ факторы производства? Вода — другой, столь же необходимый, какъ и земля факторъ. Воздухъ — тоже. И я могу представить себѣ людей, лишенныхъ воды и чистаго воздуха, потому что другіе люди признаютъ за собою право владѣть исключительно водою и воздухомъ, необходимыми для другихъ. Общественная безопасность такой же необходимый факторъ, пища, одежда для рабочихъ также факторы производства, какъ и признается это нѣкоторыми экономистами. Образованіе, дающее возможность прилагать разумную работу, такой же факторъ. Я бы могъ наполнить

цѣлый томъ такими пропущенными факторами производства. Почему же выбраны именно эти три фактора производства и положены въ основу науки? Почему лучи солнца, вода, пища, знанія не признаются отдѣльными факторами производства, а признаются таковыми только земля, орудія труда и трудъ? Развѣ только потому, что на право однихъ людей пользоваться лучами солнца, водою, воздухомъ, пищею, на право говорить и слушать, въ рѣдкихъ только случаяхъ заявляются притязанія людей; на право же пользованія землею и орудіями труда эти притязанія постоянно заявляются въ нашемъ обществѣ. Другого основанія нѣтъ, и потому во первыхъ я вижу, что дѣленіе факторовъ производства на три только фактора совершенно произвольно и не лежитъ въ самой сущности вещей. Но можетъ быть дѣленіе это такъ свойственно людямъ, что тамъ, гдѣ слагаются экономическія отношенія, тотчасъ же выдѣляются именно эти три фактора производства. Посмотримъ, такъ ли это? Смотрю ближе всего вокругъ себя на русскихъ поселенцевъ. Поселенцы приходятъ на землю, садятся на нее и начинаютъ работать, и никому въ голову не приходитъ, чтобы человѣкъ, не пользующійся землею, могъ имѣть какія нибудь права на нее и земля не заявляетъ никакихъ отдѣльныхъ правъ; напротивъ поселенцы сознательно признаютъ землю общимъ достояніемъ и считаютъ справедливымъ, чтобы каждый косилъ, пахалъ, гдѣ кто хочетъ и сколько захватитъ. Поселенцы для обработки земли, для садовъ, для постройки домовъ заводятъ орудія труда и тоже никому въ голову не приходитъ, чтобы орудія труда могли сами по себѣ приносить доходъ, и капиталъ тоже не заявляетъ никакихъ правъ, а напротивъ, поселенцы сознательно признаютъ, что всякій ростъ за орудія труда, за ссужаемый хлѣбъ, за капиталъ, есть неспра-

ведливость. Поселенцы на вольной землѣ работаютъ своими или ссуженными имъ безъ роста орудіями, каждый для себя или всѣ вмѣстѣ на общее дѣло, и въ такой общинѣ невозможно найти ни ренты, ни процента съ капитала, ни заработной платы. Говоря о такой общинѣ людей, я не фантазирую, а описываю то, что происходило всегда и происходитъ теперь не у однихъ русскихъ поселенцевъ, а вездѣ, пока не нарушено чѣмъ нибудь естественное свойство людей. Я описываю то, что представляется каждому естественнымъ и разумнымъ. Люди поселяются на землѣ и берутся каждый за свойственное ему дѣло, и каждый, выработавъ, что ему нужно для работы, работаетъ свою работу. Если же людямъ удобнѣе работать вмѣстѣ, они сходятся артелью; но ни въ отдѣльномъ хозяйствѣ, ни въ артеляхъ факторовъ производства не будетъ раздѣльныхъ, а будетъ трудъ и необходимыя условія труда: солнце, которое всѣхъ грѣетъ, воздухъ, которымъ дышутъ люди, вода, которую пьютъ, земля, на которой работаютъ, одежда на тѣлѣ, пища въ брюхѣ, колъ, лопатка, соха, плугъ, машина, которой работаютъ люди и очевидно, что ни лучи солнца, ни воздухъ, ни вода, ни земля, ни одежда на тѣлѣ, ни колъ, которымъ работаютъ, ни заступъ, ни плугъ, ни машина, которой работаютъ въ артели, не могутъ никому принадлежать, кромѣ тѣхъ, которые пользуются лучами солнца, дышатъ воздухомъ, пьютъ воду, ѣдятъ хлѣбъ, закрываютъ свое тѣло и работаютъ заступомъ или машиной, потому что все это нужно только тѣмъ, которые все это употребляютъ. И когда люди поступаютъ такъ, мы всѣ видимъ, что они поступаютъ такъ, какъ свойственно поступать людямъ, т. е. разумно. И такъ, наблюдая слагающіяся экономическія отношенія людей, я не вижу того, чтобы раздѣленіе на три фактора производства было свой-

ственно людямъ. Я вижу, напротивъ, что оно не свойственно людямъ и не разумно. Но можетъ быть раздѣленіе этихъ трехъ факторовъ не происходитъ только въ первобытныхъ обществахъ людей; при увеличеніи же населенія и развитіи культуры оно неизбѣжно и что раздѣленіе это совершилось въ европейскомъ обществѣ и мы не можемъ не признавать этотъ совершившійся фактъ. Посмотримъ, такъ ли это? Намъ говорятъ, что въ европейскомъ обществѣ дѣленіе факторовъ производства совершилось, т. е. что одни люди владѣютъ землею, другіе орудіями труда, а третьи лишены земли и орудій труда. Рабочій лишенъ земли и орудій труда. Мы такъ привыкли къ этому утвержденію, что насъ уже не поражаетъ странность его. Если же мы вдумаемся въ это выраженіе, то тотчасъ увидимъ несправедливость и даже безсмысленность его. Въ выраженіи этомъ лежитъ внутреннее противорѣчіе. Понятіе рабочаго включаетъ въ себя понятіе земли, на которой онъ живетъ, и орудій, которыми онъ работаетъ. Если бы онъ не жилъ на землѣ и не имѣлъ бы орудій работы, онъ не былъ бы рабочимъ. Такого рабочаго, который бы былъ лишенъ земли и орудій труда, никогда не было и не можетъ быть. Не можетъ быть земледѣльца безъ земли, на которой онъ работаетъ и безъ косы, телѣги, лошади; не можетъ быть и сапожника безъ дома на землѣ, безъ воды, воздуха и орудій труда, которыми онъ работаетъ. Если у мужика нѣтъ земли, лошади и косы, у сапожника дома, воды и шила, то это значитъ, что кто нибудь согналъ его съ земли и отнялъ или выманилъ у него косу, телѣгу, лошадь, шило; но никакъ не значитъ то, что могутъ быть земледѣльцы безъ сохи и сапожники безъ инструмента. Какъ немыслимъ рыбакъ на сушѣ и безъ снастей иначе, какъ если кто нибудь согналъ его съ воды и отнялъ у него

снасть, такъ точно немыслимъ мужикъ, сапожникъ безъ земли на которой онъ живетъ и безъ орудій труда, какъ только въ томъ случаѣ, если кто нибудь согналъ его съ земли и отнялъ у него его орудія. Могутъ быть такіе люди, которыхъ гоняютъ съ одного мѣста земли на другое и такіе, у которыхъ отнимали и отняли орудія труда и которыхъ заставляютъ насильно работать чужими орудіями труда ненужные имъ предметы, но это не значитъ, что таково свойство производства, это значитъ только то, что бываютъ случаи, когда нарушается естественное свойство производства. Если же принимать факторами производства все то, чего можетъ быть лишенъ рабочій насиліемъ другого, то почему не считать притязанія на личность раба факторомъ производства? Почему не считать притязаній на лучи солнца, на воздухъ, на воду такими же факторами? Можетъ появиться человѣкъ, который выстроивъ стѣну, заслонитъ сосѣда отъ солнца, можетъ появиться человѣкъ, который отведетъ воду рѣки въ прудъ и заразитъ этимъ воду; можетъ появиться человѣкъ, который признаетъ всякаго человѣка своею вещью; но ни то, ни другое, ни третье притязаніе, если бы оно даже приводилось въ исполненіе насиліемъ, не можетъ быть признаваемо основой дѣленія факторовъ производства, и потому также невѣрно принимать вымышленное право на землю и орудія труда за отдѣльные факторы производства, какъ разсматривать вымышленное право на пользованіе лучами солнца, воздухомъ, водою, и личностью другого человѣка, за отдѣльные факторы производства. Могутъ быть люди, заявляющіе право на землю и орудія труда рабочаго, какъ были люди, заявлявшіе притязанія на личность рабочаго, и какъ могутъ быть люди, заявляющія притязанія на исключительное пользованіе лучами солнца, водою, воз-

духомъ: могутъ быть люди, гоняющіе рабочаго съ мѣста на мѣсто и отнимающіе у него произведенія его труда, по мѣрѣ ихъ изготовленія, и самыя орудія этого труда и заставляющіе его работать не на себя, а на хозяина, какъ это происходитъ на фабрикахъ — все это можетъ быть; но работника безъ земли и орудій все таки не можетъ быть, какъ не можетъ быть человѣкъ вещью другого, не смотря на то, что люди очень долго утверждали это. И какъ утвержденіе права собственности на личность другого человѣка не могло лишить раба его прирожденнаго свойства искать блага своего, а не хозяина; такъ и теперь утвержденіе права собственности на землю и на орудія труда другихъ не можетъ лишить работника прирожденнаго свойства каждаго человѣка жить на землѣ и вырабатывать своими личными или общими орудіями то, что онъ для себя считаетъ полезнымъ. Все, что можетъ сказать наука, разсматривая настоящее экономическое положеніе— это то, что существуютъ притязанія однихъ людей на землю и орудія труда рабочихъ, вслѣдствіе которыхъ, для нѣкоторой части этихъ рабочихъ (никакъ не всѣхъ) нарушаются свойственныя людямъ условія производства, такъ что рабочихъ лишаютъ земли и орудій труда и пригоняютъ къ чужимъ орудіямъ труда, но никакъ не то, что это случайное нарушеніе закона производства и есть самый законъ производства. Утверждая то, что дѣленіе факторовъ производства и есть основной законъ производства, экономистъ дѣлаетъ тоже, что сдѣлалъ бы зоологъ, который видалъ бы очень много чижиковъ въ домикахъ, съ обстриженными крылышками и заключилъ бы изъ этого, что домикъ и ведрышко съ водой, поднимающееся по рельсамъ, есть самое существенное условіе птицъ, и что жизнь птицъ слагается изъ этихъ трехъ факторовъ. Какъ

бы много ни было чижиковъ въ картонныхъ домикахъ, съ обстриженными крылышками, зоологъ не можетъ признать картонные домики естественнымъ свойствомъ птицъ. Какъ бы много ни было рабочихъ, согнанныхъ съ мѣста и лишаемыхъ и произведеній, и орудій своего труда, естественное свойство рабочаго жить на землѣ и работать своими орудіями то, что ему нужно, будетъ все тоже. Есть притязанія однихъ людей на землю и орудія труда рабочаго, точно также какъ были въ древнемъ мірѣ притязанія однихъ людей на личность другихъ; но никакъ не можетъ быть раздѣленіе людей на господъ и рабовъ, какъ это хотѣли установить въ древнемъ мірѣ, и никакъ не можетъ быть раздѣленія факторовъ производства на землю и капиталъ, какъ это хотятъ установить экономисты въ современномъ обществѣ. А эти-то незаконныя притязанія однихъ людей на свободу другихъ людей наука называетъ естественными свойствами производства. Вмѣсто того, чтобы взять основы свои въ естественныхъ свойствахъ человѣческихъ обществъ, наука взяла ихъ въ частномъ случаѣ и, желая оправдать этотъ частный случай, признала право одного человѣка на землю, которою кормится другой, и на орудія труда, которыми работаетъ другой, т. е. признала такое право, котораго никогда не было и не можетъ быть и которое въ самомъ выраженіи своемъ носитъ противорѣчіе, потому что право на землю человѣка, не работающаго на землѣ, въ сущности есть ничто иное, какъ право пользоваться землею, которою я не пользуюсь; право же на орудія труда есть ничто иное, какъ право работать орудіями, которыми я не работаю. Наука, своимъ дѣленіемъ факторовъ производства утверждаетъ то, что естественное состояніе рабочаго есть то неестественное состояніе, въ которомъ онъ находится; точно также, какъ въ

древнемъ мірѣ дѣленіемъ людей на гражданъ и рабовъ утверждали, что неестественное положеніе рабовъ есть естественное свойство человѣка. Это-то дѣленіе, принятое наукой только для того, чтобы оправдать существующее зло, поставленное ею въ основу всѣхъ своихъ изслѣдованій, и сдѣлало то, что наука тщетно пытается дать какія нибудь объясненія существующихъ явленій и, отрицая самые ясные и простые отвѣты на представляющіеся вопросы, даетъ отвѣты не имѣющіе никакого содержанія. Вопросъ экономической науки въ слѣдующемъ: какая причина того, что одни люди, имѣющіе землю и капиталъ, могутъ порабощать тѣхъ людей, у которыхъ нѣтъ земли и капитала? Отвѣтъ, представляющійся здравому смыслу тотъ, что это происходитъ отъ денегъ, имѣющихъ свойство порабощать людей. Но наука отрицаетъ это и говоритъ: это происходитъ не отъ свойства денегъ, а отъ того, что одни имѣютъ землю и капиталъ, а другіе не имѣютъ ихъ. Мы спрашиваемъ: отчего люди, имѣющіе землю и капиталъ, порабощаютъ неимущихъ, намъ отвѣчаютъ: оттого, что они имѣютъ землю и капиталъ. Да вѣдь мы про это же самое и спрашиваемъ. Лишеніе земли и орудій труда и есть порабощеніе. Вѣдь это отвѣтъ: facit dormire quia habet virtus dormitiva. Но жизнь не перестаетъ ставить свой существенный вопросъ и даже самая наука видитъ его и старается отвѣтить на него, но никакъ не можетъ это сдѣлать, выходя изъ своихъ основъ и вертится въ своемъ заколдованномъ кругу. Для того, чтобы сдѣлать это, наука должна прежде всего отказаться отъ своего ложнаго дѣленія факторовъ производства, т. е. отъ признанія послѣдствій явленій за причину ихъ и должна искать сначала ближайшую, а потомъ и болѣе отдаленную причину тѣхъ явленій, которыя составляютъ предметъ

ея изслѣдованій. Наука должна отвѣчать на вопросъ: какая причина того, что одни люди лишены земли и орудій труда, а другіе владѣютъ ими? или, какая причина производитъ отчужденіе земли и орудій труда у тѣхъ, которые обработываютъ землю и работаютъ орудіями? И какъ только наука поставитъ себѣ этотъ вопросъ, такъ явятся совершенно новыя соображенія, перевертывающія всѣ положенія прежней quasi — науки, вертящейся въ безвыходномъ кругу утвержденій, что бѣдственное положеніе рабочаго происходитъ отъ того, что оно бѣдственно. Простымъ людямъ кажется несомнѣннымъ, что ближайшая причина порабощенія однихъ людей другими —это деньги. Но наука, отрицая это, говоритъ, что деньги есть только орудіе обмѣна, неимѣющее ничего общаго съ порабощеніемъ людей. — Посмотримъ, такъ ли это?

II.

Откуда берутся деньги? При какихъ условіяхъ народа всегда бываютъ деньги, и при какихъ условіяхъ мы знаемъ народы, не употребляющіе деньги. Живетъ народецъ въ Африкѣ, въ Австраліи, какъ жили въ старину скифы, древляне. Живетъ этотъ народецъ: пашетъ, водитъ скотину, сады. Мы узнаемъ о нихъ тогда, когда начинается исторія. Исторія же начинается съ того, что наѣзжаютъ завоеватели. Завоеватели же дѣлаютъ всегда одно и тоже: отбираютъ отъ народа все, что только могутъ взять у нихъ: скотину, хлѣбъ, ткани, даже плѣнниковъ и плѣницъ и увозятъ съ собой. Черезъ нѣсколько лѣтъ завоеватели пріѣзжаютъ опять, но народецъ еще не справился отъ раззоренія и взять у него почти нечего, и завоеватели

придумываютъ другой, лучшій способъ пользованія силами этого народца. Способы эти очень просты и естественно приходятъ въ голову всѣмъ людямъ. Первый способъ — это рабство личное. Способъ этотъ имѣетъ неудобства распоряженія всѣми рабочими силами народца и прокормленія всѣхъ и представляется естественно второй способъ: оставленія народца на его землѣ и признаніе этой земли своею и раздача этой земли дружинѣ съ тѣмъ, чтобы черезъ посредство дружины пользоваться трудомъ народа. Но и этотъ способъ имѣетъ свои неудобства. Дружинѣ надобно распоряжаться всѣми произведеніями народца и вводится третій, столь же первобытный, какъ и первые два способа — способъ обязательнаго требованія съ подвластныхъ извѣстной срочной дани. Цѣль завоевателя состоитъ въ томъ, чтобы взять съ завоеванныхъ какъ можно больше произведеній ихъ труда. Очевидно, что для того, чтобы можно было взять какъ можно больше завоевателю, нужно взять тѣ предметы, которые имѣютъ высшую цѣнность между людьми этого народца и вмѣстѣ съ тѣмъ не громоздки и удобны для храненія — шкуры, золото. И завоеватели накладываютъ обыкновенно срочную дань шкурами или золотомъ на семью или племя, и посредствомъ этой дани самымъ удобнымъ для себя способомъ пользуются орудіями народа. Шкуры и золото почти все отобрали отъ народца и потому покоренные должны продавать другъ другу и завоевателю и дружинѣ за золото все то, что они имѣютъ: и имущество, и трудъ. Это самое происходило въ древности и въ средніе вѣка, происходитъ и теперь. Въ древнемъ мірѣ при частыхъ завоеваніяхъ однихъ народовъ другими и при отсутствіи сознанія человѣческаго равенства людей—личное рабство было самымъ распространеннымъ средствомъ порабощенія однихъ людей

другими и на личномъ рабствѣ лежалъ центръ тяжести этого порабощенія. Въ средніе вѣка феодальная система, т. е. поземельная собственность, связанная съ нею и крѣпостное право замѣняетъ отчасти личное рабство и центръ тяжести порабощенія переносится съ личности на землю; въ новое время съ открытіемъ Америки и развитіемъ торговли и наплывомъ золота, принятымъ общимъ денежнымъ знакомъ — денежная подать съ усиленіемъ государственной власти становится главнымъ орудіемъ порабощенія людей и на ней зиждутся всѣ экономическія отношенія людей. Въ Литературномъ сборникѣ есть статья профессора Янжула, описывающая недавнюю исторію острововъ Фиджи. Если бы я старался придумать самую рѣзкую иллюстрацію того, какимъ образомъ въ наше время обязательное требованіе денегъ стало главнымъ орудіемъ порабощенія однихъ людей другими, я бы не могъ выдумать ничего болѣе яркаго и убѣдительнаго, чѣмъ эта правдивая исторія, основанная на документахъ и происходившая на дняхъ.

Живетъ на островахъ Южнаго Океана, въ Полинезіи, народецъ Фиджи. Вся группа острововъ, говоритъ профессоръ Янжулъ, состоитъ изъ мелкихъ острововъ, занимающихъ вмѣстѣ приблизительно 40,000 англ. квад. миль. Лишь половина острововъ обитаема населеніемъ въ 150,000 туземцевъ и 1,500 бѣлыхъ. Туземные жители уже довольно давно вышли изъ дикаго состоянія, выдаются своими способностями между другими туземцами Полинезіи и представляютъ собой народъ способный къ труду и развитію, что и доказали, сдѣлавшись въ короткое время хорошими земледѣльцами и скотоводами. Жители благоденствовали, но въ 1859 г. новое королевство очутилось въ отчаянномъ положеніи: народу Фиджи и

его представителю Какабо понадобились деньги. Деньги 45,000 долларовъ понадобились королевству Фиджи для уплаты контрибуціи или вознагражденія, требуемыми Соединенными Американскими Штатами за насилія будто бы нанесенныя Фиджіанцами нѣкоторымъ гражданамъ Американской республики. Съ этой цѣлью американцы прислали эскадру, которая захватила внезапно нѣсколько лучшихъ острововъ какъ залогъ и угрожала даже бомбардированіемъ и разрушеніемъ колоній, если контрибуція не будетъ въ извѣстный срокъ вручена представителямъ Америки. Американцы были одни изъ первыхъ колонистовъ, которые, вмѣстѣ съ миссіонерами, появились на Фиджи. Выбирая или захватывая подъ тѣми или другими предлогами лучшіе куски земли на островахъ и устраивая тамъ хлопчатобумажныя и кофейныя плантаціи, американцы нанимали цѣлыя толпы туземцевъ, связывая ихъ незнакомыми для дикарей контрактами или дѣйствуя черезъ особыхъ подрядчиковъ или поставщиковъ живого товара. Столкновенія между такими хозяевами-плантаторами и туземцами, на которыхъ они смотрѣли какъ на рабовъ, были неминуемы, и вотъ нѣкоторые-то изъ нихъ и послужили поводомъ къ американской контрибуціи. Не смотря на свое благосостояніе, на Феджи почти до настоящаго времени уцѣлѣли формы, такъ называемаго, натуральнаго хозяйства, имѣвшія мѣсто въ Европѣ лишь въ средніе вѣка: деньги между туземцами не обращались и вся торговля имѣла исключительно мѣновой характеръ; товаръ мѣнялся на товаръ, а немногіе общественные и государственные сборы взимались прямо сельскими продуктами. Что было дѣлать Фиджіанцамъ съ ихъ королемъ Какабо, когда Американцы категорически потребовали 45,000 долларовъ подъ угрозой самыхъ тяжелыхъ послѣдствій въ случаѣ ихъ не взноса? Для

Фиджіанцевъ самая эта цыфра представляла нѣчто непостижимое, не говоря уже о деньгахъ, которыхъ они никогда не видали въ такихъ размѣрахъ. Какабо, посовѣтовавшись съ другими вождями, рѣшился обратиться къ англійской королевѣ и сначала сталъ просить ее принять острова подъ свой протекторатъ, а позднѣе, прямо подъ свое подданство. Но Англичане отнеслись осторожно къ этой просьбѣ и не спѣшили выручать полудикаго монарха изъ его затрудненія. Вмѣсто прямого отвѣта, они, въ 1860 году снарядили спеціальную экспедицію, съ цѣлью изслѣдованія острововъ Фиджи, чтобы рѣшить, стоитъ ли ихъ присоединять къ Британскимъ владѣніямъ и тратить деньги на удовлетвореніе Американскихъ кредиторовъ.

Между тѣмъ Американское правительство продолжало настаивать на уплатѣ и удерживало въ качествѣ залога въ своемъ фактическомъ владѣніи нѣсколько лучшихъ пунктовъ, а присмотрѣвшись къ народнымъ богатствамъ, прежніе 45,000 повысило на 90,000 долларовъ, и угрожало еще повысить, если Какабо не уплатитъ ихъ скоро. Тогда, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, бѣдный Какабо, незнакомый съ европейскими способами кредитныхъ сдѣлокъ, по совѣту европейскихъ колонистовъ, началъ искать денегъ въ Мельбурнѣ, у купцовъ, во что бы то ни стало и на какихъ угодно условіяхъ, хотя бы пришлось уступить частнымъ лицамъ все королевство. И вотъ въ Мельбурнѣ, на вызовъ Какабо, составляется торговая компанія. Эта акціонерная компанія, принявшая названіе Полинезійскаго общества (Polinesian Company), заключила съ владѣтелями Фиджи договоръ, на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. Принявши на себя долгъ Американскому правительству и обязавшись уплатить ему взносомъ въ извѣстные сроки, компанія получила за это по первому уговору сто,

а затѣмъ 200 тысячъ арковъ лучшей земли по своему выбору, свободу на вѣчныя времена отъ всякихъ налоговъ и пошлинъ для всѣхъ своихъ факторій, операцій и колоній и исключительное право на продолжительное время заводить въ Фиджи эмиссіонные банки съ привиллегіей неограниченнаго выпуска билетовъ. Со времени этого договора, заключеннаго окончательно въ 1868 году, у Фиджіанъ, рядомъ съ ихъ мѣстнымъ правительствомъ съ Какабо во главѣ, очутилась другая власть — могущественная торговая факторія съ обширными земельными владѣніями по всѣмъ островамъ и рѣшительнымъ вліяніемъ въ управленіи. До сихъ поръ правительство Какабо довольствовалось для своихъ потребностей тѣми матерьяльными средствами, которыя заключались въ различныхъ натуральныхъ сборахъ и небольшой таможенной пошлинѣ съ привозныхъ товаровъ. Съ заключеніемъ договора и основанія могущественной Полинезійской компаніи, его финансовыя обстоятельства измѣнились. Значительная часть лучшихъ земель отошла къ компаніи, слѣдовательно сборы уменьшились; съ другой стороны компанія, какъ мы знаемъ, выговорила себѣ безпошлинный, свободный привозъ и вывозъ всякихъ товаровъ, а черезъ это доходъ отъ пошлинъ также упалъ. Туземцы, т. е. 0,99 всего населенія, всегда были плохими плательщиками таможенныхъ налоговъ, такъ какъ ничего почти не употребляютъ изъ европейскихъ товаровъ, кромѣ немногихъ тканей и металлическихъ издѣлій, теперь же, черезъ освобожденіе вмѣстѣ съ Полинезійской компаніей наиболѣе состоятельныхъ европейцевъ отъ таможеннаго налога, доходъ короля Какабо дѣлался окончательно ничтоженъ и онъ долженъ былъ позаботиться о его дополненіи. И вотъ Какабо начинаетъ совѣщаться со своими бѣлыми друзьями о томъ, какимъ

образомъ отвратить бѣду, и получаетъ отъ нихъ совѣтъ ввести первый прямой налогъ въ странѣ, и, чтобы менѣе утруждать себя, вѣроятно, — въ формѣ денежнаго сбора. Налогъ былъ установленъ въ формѣ всеобщей или подушной подати въ размѣрѣ 1 фунта стерлинга на всякаго мужчину и 4 шиллинга на всякую женщину по всѣмъ островамъ. — Какъ мы уже говорили, даже до сихъ поръ на островахъ Фиджи существуетъ еще натуральное хозяйство и мѣновая торговля. Очень немногіе туземцы владѣютъ деньгами. Ихъ богатство состоитъ исключительно изъ различныхъ сырыхъ продуктовъ и стадъ, а не въ деньгахъ. Между тѣмъ новый налогъ потребовалъ, въ извѣстные періоды времени во что бы то ни стало, денегъ, для семейнаго туземца весьма значительныхъ въ сложности. До сихъ поръ туземецъ не привыкъ ни къ какимъ индивидуальнымъ тягостямъ въ пользу правительства, кромѣ личныхъ повинностей; всѣ сборы, какіе случались, уплачивались общиной или деревней, къ которой онъ принадлежалъ и съ общихъ полей, съ которыхъ получаетъ онъ свой главный доходъ. Ему оставался одинъ исходъ: искать денегъ у бѣлыхъ колонистовъ, т. е., обратиться или къ торговцу или къ плантатору. Первому онъ долженъ былъ продать свой продуктъ по какой угодно цѣнѣ, такъ какъ сборщикъ податей требовалъ деньги къ извѣстному опредѣленному сроку, или даже занять денегъ подъ будущій продуктъ, чѣмъ, конечно, торговецъ пользовался, чтобы брать безбожные проценты; или же онъ долженъ былъ обратиться къ плантатору и продать ему свой трудъ, т. е. поступить въ рабочіе. Но заработная плата оказалась на островахъ Фиджи, вслѣдствіе, вѣроятно, единовременнаго большаго предложенія, очень низкою, не болѣе, согласно показанію настоящей администраціи, одного шиллинга въ недѣлю для

взрослаго мужчины или 2 фунта 12 шил. въ годъ, и слѣдовательно, лишь для того, чтобы получить деньги, необходимыя только для уплаты за самого себя, не говоря о семействѣ, Фиджіанецъ долженъ бросить свой домъ, землю, собственныя земли и хозяйство и, переселившись часто далеко, на другой островъ, закабалить себя плантатору по крайней мѣрѣ на полгода, чтобы выручить 1 фунтъ необходимый для уплаты новаго налога; для уплаты же налога за все семейство онъ долженъ былъ искать другихъ средствъ. Понятенъ результатъ такого порядка. Съ полутораста тысячъ подданныхъ Какабо собиралъ всего 6 т. фун. стер., и вотъ начинается усиленное вымогательство податей, дотолѣ незнакомое, и рядъ принудительныхъ мѣръ. Мѣстная администрація, прежде неподкупная, весьма скоро стакнулась съ бѣлыми плантаторами, которые начали вертѣть страною. За неплатежъ Фиджіанцы притягиваются къ суду и приговариваются, кромѣ судебныхъ издержекъ, къ заключенію въ тюрьму на сроки не менѣе какъ на полгода. Роль этой тюрьмы играютъ плантаціи перваго бѣлаго, который пожелаетъ внести налогъ и судебныя издержки за приговореннаго. Такимъ образомъ бѣлые получаютъ въ изобиліи дешевый трудъ въ какомъ угодно количествѣ. Первоначально дозволялась эта принудительная отдача на работы срокомъ на полгода, но затѣмъ, подкупленные судьи находили возможность назначать на работы даже на восемнадцать мѣсяцевъ, и потомъ свой приговоръ возобновить вновь. Весьма быстро, въ нѣсколько лѣтъ, картина экономическаго положенія жителей Фиджи совершенно измѣнилась. Цѣлые цвѣтущіе зажиточные округи на половину обезлюдѣли и крайне обѣднѣли. Все мужское населеніе, кромѣ стариковъ и слабосильныхъ, работало на сторонѣ, у бѣлыхъ плантаторовъ, чтобы добыть деньги, нужныя для

уплаты налога или по приговору суда. Женщины въ Фиджи почти не несутъ никакихъ земледѣльческихъ работъ, и потому въ отсутствіи мужчинъ хозяйства были запущены или совсѣмъ брошены. Въ нѣсколько лѣтъ половина населенія Фиджи превратилась въ рабовъ бѣлыхъ колонистовъ. Чтобы облегчить свое положеніе Фиджіанцы опять обратились къ Англіи. Появилось новое прошеніе, покрытое множествомъ подписей именитѣйшихъ лицъ и вождей о принятіи ихъ въ англійское подданство и было вручено Британскому консулу. Къ этому времени Англія, благодаря своимъ ученымъ экспедиціямъ, успѣла не только изучить, но даже измѣрить острова и должнымъ образомъ оцѣнить природныя богатства этого прекраснаго уголка земнаго шара. По всѣмъ этимъ причинамъ переговоры на этотъ разъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ и въ 1874 году, къ большому неудовольствію американскихъ плантаторовъ, Англія официально вступила во владѣніе островами Фиджи, присоединивши ихъ къ своимъ колоніямъ. Какабо умеръ и его наслѣдникамъ назначена маленькая пенсія. Управленіе острововъ было поручено сэру Робинзону, гибернатору Южнаго Валлиса. Въ первый годъ своего присоединенія къ Англіи Фиджи не имѣли своего управленія, а находились подъ вліяніемъ сэра Робинзона, который назначилъ сюда администратора. Принимая въ свои руки острова, англійское правительство должно было разрѣшить трудную задачу, удовлетворить разнообразнымъ ожиданіямъ на него возлагаемымъ. Туземцы, конечно, прежде всего расчитывали на уничтоженіе, ненавистнаго для нихъ подушнаго налога, бѣлые же колонисты (частью американцы) относились къ Британскому владычеству съ недовѣріемъ, частью же, (англійскаго происхожденія), расчитывали на всякія блага — признанія, напр. своего владычества надъ тузем-

цами, освященіе своихъ правъ на земельные захваты и т. д. Англійское управленіе оказалось однако вполнѣ на высотѣ своей задачи и первымъ его дѣйствіемъ было уничтоженіе навсегда подушнаго налога, создававшаго рабство туземцевъ, для выгодъ немногихъ колонистовъ. Но тутъ сэру Робинзону представилась тотчасъ же трудная дилемма. Необходимо было уничтожить подушный налогъ, спасаясь отъ котораго Фиджіанцы обратились къ англійскому правительству, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по правилу англійской колоніальной политики, колоніи должны содержать себя сами, т. е. находить свои собственныя средства на удовлетвореніе расходовъ по управленію. Между тѣмъ, съ уничтоженіемъ подушнаго налога, всѣ доходы на Фиджи (съ таможенныхъ пошлинъ) не превышали 6 т. фунт., тогда какъ расходы по управленію требовали по меньшей мѣрѣ 70,000 фунт. въ годъ. И вотъ Робинзонъ, уничтоживъ денежный налогъ, придумываетъ Labour tax, т. е. барщину, на которую должны были ходить Фиджіанцы, но барщина не выручила 70,000 фунт. нужныхъ для корма Робинзона и его помощниковъ. И дѣло не пошло до назначенія новаго губернатора Гордона, который для того, чтобы достать съ жителей деньги, нужныя на содержаніе его и его чиновниковъ, догадался не требовать денегъ до тѣхъ поръ, пока деньги въ нужномъ количествѣ не распространятся на островахъ, а отбирать у туземцевъ ихъ произведенія и самому продавать ихъ. Трагическій эпизодъ этотъ изъ жизни Фиджіанцевъ есть самое ясное и лучшее указаніе того, что такое деньги и въ чемъ ихъ значеніе. Тутъ выразилось все: и первое основное условіе порабощенія — пушка угрозы, убійство и захваты земли, и главное средство — деньги, которыя замѣнили всѣ другія. То, что въ историческомъ очеркѣ экономическаго развитія

народовъ надо преслѣдовать въ продолженіе вѣковъ, тутъ, когда уже всѣ формы денежнаго насилія выработались вполнѣ, концентрировано въ одномъ десятилѣтіи. Драма начинается съ того, что американское правительство посылаетъ корабли съ заряженными пушками къ берегамъ острововъ, жителей которыхъ оно хочетъ поработить. Предлогъ этой угрозы — денежный, но начало драмы съ пушекъ, направленныхъ на всѣхъ жителей: женъ, дѣтей, стариковъ, да и мужчинъ ни въ чемъ даже невиноватыхъ, явленіе теперь же повторяющееся въ Америкѣ, въ Китаѣ и въ Средней Азіи. Это начало драмы: кошелекъ или жизнь, повторенное въ исторіи всѣхъ завоеваній всѣхъ народовъ; 45,000 долларовъ, а потомъ 90,000 долларовъ или побоище. Но 90 тысячъ нѣтъ. Они у Американцевъ. И вотъ начинается второй актъ драмы: надо отсрочить, размѣнять кровавое побоище, страшное, сосредоточенное въ короткій промежутокъ времени, на страданія менѣе замѣтныя, хотя и болѣе продолжительныя. И народецъ со своимъ представителемъ ищетъ средствъ замѣнить побоище рабствомъ денегъ. Онъ занимаетъ деньги и выработанныя формы закрѣпощенія людей деньгами.

Этотъ способъ тотчасъ же начинаетъ дѣйствовать, какъ дисциплинированная армія и въ 5 лѣтъ дѣло готово: люди не только лишились права пользоваться своею землею, лишились своего имущества, но и свободы; люди — рабы.

Начинается третій актъ. Положеніе слишкомъ тяжело и до несчастныхъ доходятъ слухи, что можно перемѣнить хозяина и отдаться въ рабство другому. (Объ освобожденіи отъ рабства, наложеннаго деньгами ужь нѣтъ и мысли). И народецъ зоветъ къ себѣ другого хозяина, которому онъ отдается съ просьбою улучшить свое положеніе. Англичане приходятъ, видятъ, что владѣніе этими островами дастъ

имъ возможность кормить разведшихся слишкомъ много дармоѣдовъ, и англійское правительство беретъ себѣ эти острова съ жителями, но не беретъ ихъ въ формѣ рабовъ личныхъ, не беретъ даже земли и не раздаетъ ее своимъ помощникамъ. Эти старые пріемы теперь не нужны. Нужно одно, чтобы они платили дань, и дань такую, которая бы съ одной стороны была достаточна велика, чтобы рабочіе не могли выйти изъ рабства и съ другой стороны, которая бы хорошо кормила множество дармоѣдовъ.

Жители должны платить 70,000 ф. стер. Это есть коренное условіе, при которомъ Англія соглашается выручить Фиджіанцевъ отъ американскаго рабства, и это есть вмѣстѣ съ тѣмъ единственное нужное для полнаго порабощенія жителей. Но оказывается, что Фиджіанцы ни въ какомъ случаѣ не могутъ въ теперешнемъ своемъ положеніи выплатить 70,000 ф. стер. Это требованіе слишкомъ велико. Англичане на время измѣняютъ это требованіе и берутъ часть натурой, съ тѣмъ, чтобы въ свое время, при распространеніи денегъ довести взиманіе до положенной нормы. Англія дѣйствуетъ ужь не какъ прежняя компанія, поступки которой можно сравнить съ первымъ приходомъ дикихъ завоевателей къ дикимъ жителямъ, когда они хотятъ только одно — сорвать что можно и уйти, но поступаетъ какъ болѣе дальновидный поработитель, не убиваетъ сразу курицу съ золотыми яйцами, а можетъ и покормить, зная, что курица — несучка. Она сначала отпускаетъ поводья для своей выгоды, чтобы послѣ уже навѣки затянуть ихъ, чтобы привести Фиджіанцевъ въ то положеніе денежнаго рабства, въ которомъ находятся европейскіе и цивилизованные народы и отъ котораго не предвидится освобожденія.

Деньги — безобидное средство обмѣна, но только не

тогда, когда у береговъ страны стоятъ заряженныя пушки, направленныя на жителей. Какъ только деньги взимаются насильно, изъ подъ пушекъ, такъ неизбѣжно повторится то, что было на островахъ Фиджи, и повторилось и повторяется всегда и вездѣ: у князей съ Древлянами и у всѣхъ правительствъ съ ихъ народами. Люди, имѣющіе власть насиловать другихъ, будутъ это дѣлать посредствомъ насильственнаго требованія такого количества денегъ, которое заставитъ людей насилуемыхъ сдѣлаться рабами насильниковъ. И кромѣ того всегда произойдетъ то, что произошло и у Англичанъ съ Фиджіанцами, а именно то, что насильники, въ своемъ требованіи денегъ, всегда скорѣе перейдутъ тотъ предѣлъ, до котораго должно быть доведено количество требуемыхъ денегъ, чтобы порабощеніе совершилось раньше, чѣмъ не дойдутъ до него. Дойдутъ они до самого этого предѣла и не перейдутъ его только въ случаѣ нравственнаго чувства, и всегда, когда будетъ это чувство, но они сами не будутъ въ нуждѣ. Правительства же всѣ всегда перейдутъ этотъ предѣлъ, во первыхъ, потому, что для правительства не существуетъ нравственнаго чувства, а во вторыхъ потому, что, какъ мы знаемъ, правительства сами находятся въ крайней нуждѣ, производимой войнами, необходимостью подачекъ своимъ пособникамъ. Всѣ правительства всегда въ неоплатномъ долгу и они, если бы и хотѣли, не могутъ не исполнить того правила, которое выразилъ одинъ русскій государственный человѣкъ XVIII вѣка, что надо стричь мужика, не давать ему обростать. Всѣ правительства въ неоплатномъ долгу и долгъ этотъ въ общемъ сложности (не считая случайнаго уменьшенія его въ Англіи и Америкѣ) ростетъ съ каждымъ годомъ въ ужасающей прогрессіи. Точно также ростутъ бюджеты, т. е. необходимость бороться съ другими

насильникали и давать подачки деньгами и землями своимъ помощникамъ насилія и потому точно также ростетъ поземельная плата. Не ростетъ же заработная плата не по закону ренты, а потому что существуетъ съ насиліемъ взимаемая дань государственная и поземельная, имѣющая цѣлью отбирать отъ людей всѣ ихъ излишки, такъ чтобы они для удовлетворенія этого требованія должны были продавать свой трудъ, потому что пользованіе этимъ трудомъ и есть цѣль наложенія дани. Пользованіе же этимъ трудомъ возможно только тогда, когда въ общей массѣ требуется больше денегъ, чѣмъ могутъ отдать рабочіе, не лишивъ себя пропитанія. Возвышеніе заработной платы уничтожило бы возможность рабства и потому пока есть насиліе, она никогда не можетъ возвыситься. И это-то простое и понятное дѣйствіе однихъ людей надъ другими, экономисты называютъ желѣзнымъ закономъ; орудіе же, которымъ производится это дѣйствіе, они называютъ средствомъ обмѣна. Деньги—это безобидное средство обмѣна — нужны людямъ въ ихъ отношеніяхъ между собой. Почему же тамъ, гдѣ нѣтъ насильственнаго требованія денежныхъ податей, никогда не было и не могло быть денегъ въ ихъ настоящемъ значеніи, а было и будетъ, какъ это было у Фиджіанцевъ, у Киргизовъ, у Африканцевъ у Финикійцевъ, и вообще у людей, не платящихъ подати, то прямой обмѣнъ предметовъ на предметы, то случайные знаки цѣнностей: бараны, мѣха, шкуры, раковины. Извѣстныя какія бы то ни было деньги получаютъ ходъ между людьми только тогда, когда ихъ насильно требуютъ со всѣхъ. Только тогда каждому они становятся нужны для откупа отъ насилія, только тогда они получаютъ постоянную мѣновую цѣнность. И получаетъ цѣнность тогда не то, что удобнѣе для обмѣна, а то что требуется прави-

тельствомъ. Будетъ требоваться золото — золото будетъ имѣть цѣнность, будутъ требоваться бабки, — бабки будутъ цѣнность. Если бы это было не такъ, то отчего же выпускать это средство обмѣна, которое всегда составляло и составляетъ прерогативу власти? Люди, Фиджіанцы положимъ, установили свое средство обмѣна, ну и оставьте ихъ обмѣниваться какъ и чѣмъ они хотятъ и вы, люди, имѣющіе власть, т. е. средства насилія, и не вмѣшивайтесь въ этотъ обмѣнъ. А то вы начеканите эти монеты, никому не позволяя чеканить такія же, или какъ у насъ, только напечатаете бумажки, изобразите на нихъ лики царей, подпишете особенною подписью, обставите поддѣлку этихъ денегъ казнями, раздадите эти деньги своимъ помощникамъ и требуете себѣ въ формѣ государственныхъ и поземельныхъ податей, такихъ монетокъ или мумажекъ, съ такими точно подписями столько, что рабочій долженъ отдавать весь свой трудъ, чтобы пріобрѣсть эти самыя бумажки или эти самыя монетки и увѣряете насъ, что эти деньги намъ необходимы, какъ средство обмѣна. Люди всѣ свободны, и одни люди не угнетаютъ другихъ, не держатъ ихъ въ рабствѣ, а только есть деньги въ обществѣ и желѣзный законъ, по которому рента увеличивается, а рабочая плата уменьшается до минимума! То, что половина (больше половины) русскихъ мужиковъ закабаляется за подати и прямыя и косвенныя и поземельныя въ работы землевладѣльцамъ и фабрикантамъ, это совсѣмъ не значитъ то, что очевидно, что насиліе взиманія податей подушныхъ и косвенныхъ, и поземельныхъ, уплачиваемыхъ правительству и его помощникамъ землевладѣльцамъ деньгами, заставляютъ рабочаго быть въ рабствѣ у тѣхъ, кто взимаетъ деньги, а это значитъ, что есть деньги — средство обмѣна — и желѣзный законъ!

Когда крѣпостные люди не были освобождены, я могъ заставить Ваньку работать всякую работу, и если Ванька отказывался, я посылалъ его къ становому и становой сѣкъ его до тѣхъ поръ, пока Ванька не покорялся. При томъ же, если я заставлялъ работать Ваньку сверхъ силы, не давая ему земли и не давая пищи, дѣло доходило до начальства, и я долженъ былъ отвѣчать. Теперь же люди свободны, но я могу заставить Ваньку, Сидорку и Петрушку работать всякую работу и если онъ откажется, то я не дамъ ему денегъ за подати и ему будутъ сѣчь ж... до тѣхъ поръ, пока онъ не покорится, кромѣ того, я могу заставить работать на себя и нѣмца, и француза, и китайца, и индѣйца тѣмъ, что за непокорность его, я не дамъ ему денегъ, чтобы нанять земли или купить хлѣба, потому что у него нѣтъ ни земли ни хлѣба. И если я заставлю работать его безъ пищи, сверхъ силъ, задушу его работой, никто мнѣ слова не скажетъ; но если я сверхъ того почиталъ еще политико-экономическихъ книгъ, то я могу быть твердо увѣренъ, что всѣ люди свободны и деньги не производятъ рабства. Мужики знаютъ давно, что рублемъ можно бить больнѣе, чѣмъ дубьемъ. Но только политико-экономы не хотятъ видѣть этого. Говорить о томъ, что деньги не производятъ порабощенія — это все равно, что говорить полстолѣтія тому назадъ, что крѣпостное право не производитъ порабощенія. Политико-экономы говорятъ, что несмотря на то, что вслѣдствіе обладанія деньгами одинъ человѣкъ хочетъ поработить другого, деньги есть безобидное средство обмѣна. Почему же было не говорить полстолѣтія тому назадъ, что не смотря на то, что крѣпостнымъ правомъ можно поработить человѣка, крѣпостное право не есть средство порабощенія, а безобидное средство взаимныхъ услугъ? Одни даютъ свой

грубый трудъ, другіе — заботу о физическомъ и умственномъ благосостояніи рабовъ и объ учрежденіи работы. Даже такъ, кажется, и говорили.

III.

Если бы эта воображаемая наука, — политическая экономія, не занималась тѣмъ же, чѣмъ занимаются всѣ юридическія науки — апологіей насилія, она не могла бы не видать того страннаго явленія, что распредѣленіе богатствъ и лишеніе однихъ людей земли и капитала, и порабощеніе однихъ людей другими — все это въ зависимости отъ денегъ и что только посредствомъ денегъ теперь одни люди пользуются трудомъ другихъ, т. е. порабощаютъ ихъ.

Повторяю, человѣкъ, у котораго есть деньги, можетъ скупить весь хлѣбъ и заморить другого голодомъ и за хлѣбъ поработить его совершенно. Такъ и дѣлается на нашихъ глазахъ въ огромныхъ размѣрахъ. Казалось бы надо поискать связи этихъ явленій порабощенія съ деньгами, но наука съ совершенной увѣренностью утверждаетъ, что деньги не имѣютъ съ порабощеніемъ людей никакой связи.

Наука говоритъ: деньги есть такой же товаръ какъ и всякій другой, имѣющій стоимость своего производства, только съ тою разницей, что этотъ товаръ избранъ какъ самое удобное для установленія цѣнъ, для сбереженія и для платежей средство обмѣна: одинъ надѣлалъ сапогъ, другой напахалъ хлѣба, третій выкормилъ овецъ и вотъ, чтобы имъ удобнѣе мѣняться, они заводятъ деньги, представляющія соотвѣтствующую долю труда и посредствомъ ихъ промѣниваютъ подметки на баранью грудинку и десять фунтовъ муки.

Люди этой воображаемой науки очень любятъ представлять себѣ такое положеніе дѣлъ; но такого положенія дѣлъ никогда въ мірѣ не было. Такое представленіе объ обществѣ все равно что представленіе о первобытномъ, неиспорченномъ совершенномъ человѣческомъ обществѣ, которое любили дѣлать прежніе философы. Но такого положенія никогда не было. Во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, гдѣ были деньги какъ деньги, всегда было насиліе сильнаго и вооруженнаго надъ слабымъ и безоружнымъ; а тамъ, гдѣ было насиліе, знаки цѣнностей — деньги, какія бы то ни было: скотина, мѣха, шкуры, металлы — всегда неизбѣжно должны были терять это значеніе и получать значеніе откупа или насилія. Деньги несомнѣнно имѣютъ тѣ безобидныя свойства, которыя перечисляетъ наука, но свойства эти они имѣли бы въ дѣйствительности только въ томъ обществѣ, въ которомъ не появилось бы насилія одного человѣка надъ другимъ: въ идеальномъ обществѣ, но въ такомъ обществѣ и денегъ, какъ денегъ общей мѣры цѣнности и вовсе бы не было, какъ не было и не могло ихъ быть во всѣхъ обществахъ, не подвергшихся общему государственному насилію. Во всѣхъ же извѣстныхъ намъ обществахъ, гдѣ есть деньги, онѣ получаютъ значеніе обмѣна только потому, что служатъ средствомъ насилія. И главное значеніе ихъ не въ томъ, чтобы служить средствомъ обмѣна, а въ томъ, чтобы служить насилію. Тамъ, гдѣ есть насиліе, деньги не могутъ служить правильнымъ средствомъ обмѣна, потому что не могутъ быть мѣрою цѣнностей. Мѣрою цѣнностей онѣ не могутъ быть потому, что какъ только въ обществѣ одинъ человѣкъ можетъ отнять у другого произведенія его труда, такъ тотчасъ же нарушена эта мѣра. Если на конную вмѣстѣ выведутъ лошадей и коровъ выкормленныхъ хозяевами

и отнятыхъ силою у другихъ хозяевъ, то очевидно, что цѣнность на этомъ базарѣ лошадей и коровъ уже не будетъ соотвѣтствовать труду выкармливанія этихъ животныхъ, и цѣнности всѣхъ другихъ предметовъ измѣнятся сообразно этому измѣненію и деньги не будутъ опредѣлять цѣнность этихъ предметовъ. Кромѣ того, если можно насиліемъ пріобрѣсти корову, лошадь и домъ, то можно тѣмъ же насиліемъ пріобрѣсти и самыя деньги и за эти деньги пріобрѣсти и всякія произведенія. Если же и самыя деньги пріобрѣтаются насиліемъ и употребляются на покупку предметовъ, то деньги теряютъ уже совершенно всякое подобіе средства обмѣна. Насильникъ, отобравшій деньги и отдающій ихъ за произведенія труда, не обмѣниваетъ, а только беретъ посредствомъ денегъ все то, что ему нужно.

Но если бы даже и существовало такое воображаемое, невозможное общество, въ которомъ безъ общаго государственнаго насилія надъ людьми, деньги, — серебро или золото — имѣли бы значеніе мѣръ цѣнностей и средства обмѣна, то и въ такомъ обществѣ деньги при появленіи насилія тотчасъ же потеряли бы свое значеніе. Является въ это общество насильникъ въ видѣ завоевателя. Насильникъ этотъ, положимъ, захватитъ и коровъ, и лошадей и одежды, и дома жителей, но ему неудобно владѣть этимъ и потому естественно онъ догадается захватить у этихъ людей и то, что среди ихъ составляетъ всякаго рода цѣнности и обмѣнивается на всевозможные предметы — именно: деньги. И тотчасъ же значеніе денегъ, какъ мѣры цѣнностей перестанетъ имѣть мѣсто въ такомъ обществѣ, потому что мѣра цѣнности всякихъ предметовъ будетъ всегда зависѣть отъ произвола насильника. Тотъ предметъ, который будетъ болѣе нуженъ насильнику и за который онъ будетъ давать больше денегъ, получитъ боль-

шую цѣнность и наоборотъ. Такъ что въ обществѣ, подвергшемся насилію, деньги тотчасъ получатъ одно преобладающее значеніе средства насилія для насильника и удержатъ значеніе средства обмѣна для насилуемыхъ только на столько и въ такомъ отношеніи, которое выгодно для насильника.

Представимъ себѣ дѣло въ маломъ кругу. Крѣпостные представляютъ помѣщику полотна, куръ, барановъ и поденную работу. Помѣщикъ замѣняетъ натуральныя повинности деньгами и постановляетъ цѣну на различные предметы повинностей. Тотъ, у кого нѣтъ полотна, хлѣба, скотины, рабочихъ рукъ, можетъ представить извѣстное количество денегъ. Очевидно, что въ обществѣ крестьянъ этого помѣщика цѣнность предметовъ будетъ всегда зависѣть отъ произвола помѣщика. Помѣщикъ употребляетъ собираемые предметы и одни ему болѣе, а другіе менѣе нужны, и смотря по этому онъ назначаетъ болѣе или менѣе высокія цѣны на предметы. Очевидно, что только произволъ или потребность помѣщика опредѣляетъ и цѣны этихъ предметовъ между плательщиками. Если помѣщику нуженъ хлѣбъ, онъ назначаетъ дорогую цѣну за право не внести полотна, скотину и не выставить работу и потому тѣ, у которыхъ нѣтъ хлѣба, будутъ продавать другимъ свою работу, полотна и скотину, чтобы купить хлѣбъ для отдачи его помѣщику. Если же помѣщикъ захочетъ перевести всѣ повинности на деньги, то тогда цѣна предметовъ опять не будетъ зависѣть отъ ихъ стоимости труда, а во первыхъ, отъ количества денегъ, которое будетъ требовать помѣщикъ, и во вторыхъ отъ того, какіе предметы, произведенные крестьянами, болѣе нужны помѣщику и потому за какіе изъ этихъ предметовъ онъ платитъ болѣе и за какіе менѣе денегъ. Взысканіе съ крестьянъ денегъ

помѣщикомъ не имѣло бы вліянія на цѣнности предметовъ между крестьянами только тогда, когда бы во первыхъ, крестьяне этого помѣщика жили отдѣльно отъ другихъ людей и не имѣли бы другихъ отношеній, кромѣ какъ между собой и своимъ помѣщикомъ, и во вторыхъ, тогда, когда помѣщикъ употреблялъ бы деньги не на покупку предметовъ въ своей деревнѣ, а внѣ ея. Только при этихъ двухъ условіяхъ, цѣнность предметовъ, хотя и измѣнившись номинально, относительно оставалась бы правильною и деньги имѣли бы значеніе мѣры цѣнностей и обмѣна, но если крестьяне имѣютъ экономическія отношенія съ окружающими ихъ жителями, то во первыхъ отъ большаго или меньшаго требованія помѣщикомъ денегъ будетъ зависѣть большая или меньшая цѣнность ихъ предметовъ производства въ отношеніи съ сосѣдями. (Если съ сосѣдей требованіе денегъ меньше чѣмъ съ нихъ, то ихъ произведенія будутъ продаваться дешевле, чѣмъ произведенія ихъ сосѣдей и наоборотъ). И, во вторыхъ, взысканіе денегъ помѣщикомъ съ крестьянъ не могло бы имѣть вліянія на цѣнность производствъ только тогда, когда собранныя деньги помѣщикъ не употреблялъ бы на покупку произведеній своихъ крестьянъ. Если же онъ употребляетъ деньги на покупку произведеній своихъ крестьянъ, то очевидно, что самое отношеніе цѣнъ различныхъ предметовъ между самыми крестьянами будетъ постоянно измѣняться по мѣрѣ покупки помѣщикомъ того или другого предмета. Положимъ, что одинъ помѣщикъ назначилъ очень высокій оброкъ, а сосѣдъ—низкій, очевидно, что въ области перваго помѣщика всѣ предметы будутъ дешевле, чѣмъ въ области второго, и что цѣны въ той и другой области будутъ зависѣть только отъ повышенія или пониженія оброковъ. Таково одно вліяніе насилія на цѣны. Другое влія-

ніе, вытекающее изъ перваго, будетъ состоять въ относительной цѣнности всѣхъ предметовъ. Положимъ, что одинъ помѣщикъ любитъ лошадей и платитъ дорого за нихъ; другой же любитъ полотенца и за нихъ платитъ дорого. Очевидно, что во владѣніи обоихъ помѣщиковъ будутъ дороги лошади и полотенца и цѣна этихъ предметовъ будетъ несоотвѣтственна цѣнѣ коровъ и хлѣба. Завтра же умретъ любитель полотенецъ и его наслѣдникъ будетъ любить куръ, очевидно что и цѣна полотенецъ падетъ и возвысится цѣна куръ. Тамъ, гдѣ въ обществѣ существуетъ насиліе одного человѣка надъ другимъ, значеніе денегъ какъ мѣрила цѣнностей тотчасъ же подчиняется произволу насильника и значеніе ихъ какъ средства обмѣна произведеній труда зимѣняется другимъ значеніемъ —самаго удобнаго средства пользованія чужимъ трудомъ. Деньги нужны насильнику не для обмѣна и не для установленія мѣръ цѣнностей: онъ самъ устанавливаетъ ихъ, а только для удобства насилія, состоящаго въ томъ, что деньги сберегаются, и деньгами легче всего держать въ порабощеніи наибольшее число людей. Отобрать всю скотину для того, чтобы были всегда и лошади, и коровы, и овцы, сколько когда понадобится, неудобно потому, что ихъ надо кормить; тоже самое и съ хлѣбомъ, онъ можетъ испортиться, тоже и съ работой, съ барщиной: иногда нужна тысяча работниковъ, а иногда ни одного. Деньги, требуемыя съ тѣхъ, у кого ихъ нѣтъ, даютъ возможность избавиться отъ всѣхъ этихъ неудобствъ и имѣть всегда все что нужно и только для этого нужны насильнику. Кромѣ того деньги нужны насильнику еще и для того, чтобы его право пользованія чужимъ трудомъ не ограничивалось извѣстными людьми, а распространялось бы на всѣхъ людей, нуждающихся въ деньгахъ. Когда не было

денегъ, каждый помѣщикъ могъ пользоваться трудомъ только своихъ крѣпостныхъ; когда же они оба уговорились брать съ своихъ крѣпостныхъ деньги, которыхъ у тѣхъ нѣтъ, они оба стали безразлично пользоваться всѣми тѣми силами, которыя есть въ обоихъ имѣніяхъ.

И потому насильникъ находитъ болѣе удобнымъ всѣ свои требованія на чужой трудъ заявлять деньгами и деньги для этого только и нужны насильнику. Для насилуемаго же, для того у кого отбирается его трудъ, деньги не могутъ быть нужны ни для обмѣна—онъ обмѣняется и безъ денегъ, какъ обмѣнивались всѣ народы безъ правительствъ; ни для опредѣленія мѣръ цѣнностей, потому что это опредѣленіе дѣлается помимо его; ни для сбереженія, потому что тотъ, у кого отбираютъ произведенія его труда, не можетъ сберегать; ни для платежей, потому что для насилуемаго придется больше платить, чѣмъ получать, а когда придется получать, то и тогда платежи ему будутъ производиться не деньгами, а товаромъ, если работникъ прямо беретъ за свою работу въ лавкѣ своего хозяина и точно также, если онъ на весь свой заработокъ покупаетъ въ вольныхъ лавкахъ предметы первой необходимости. Съ него требуютъ деньги и говорятъ ему, что если онъ не заплатитъ ихъ, то ему не дадутъ земли, хлѣба, или отнимутъ у него его корову, его домъ, отдадутъ въ заработки, или посадятъ въ тюрьму. Избавиться отъ этого онъ можетъ только тѣмъ, что продаетъ произведенія своего труда, свою работу или работу своихъ дѣтей. Продаетъ же онъ произведенія своего труда и самый трудъ свой по тѣмъ цѣнамъ, которыя устанавливаются не правильнымъ обмѣномъ, а тою властью которая требуетъ съ него деньги.

И при этихъ-то условіяхъ вліянія даней или податей

на цѣнности, повторяющихся всегда и вездѣ, у помѣщиковъ въ маломъ кругу, а въ государствахъ въ большомъ кругу, при этихъ условіяхъ, при которыхъ причины измѣненія цѣнностей также очевидны, какъ очевидны тому, кто смотритъ за кулисы, причины, почему у куклы поднимаются и опускаются ноги, при этихъ условіяхъ говорить о томъ, что деньги представляютъ средство обмѣна и мѣрила цѣнностей, по меньшей мѣрѣ удивительно.

IV.

Всякое порабощеніе одного человѣка другимъ основано только на томъ, что одинъ человѣкъ можетъ лишить другого жизни и, не оставляя этого угрожающаго положенія, заставить другого исполнять свою волю.

Безошибочно можно сказать, если есть порабощеніе человѣка, т. е. исполненіе однимъ противъ своей воли, по волѣ другого, извѣстныхъ, нежелательныхъ для него поступковъ, то причина этого есть только насиліе, имѣющее въ основѣ своей угрозу лишенія жизни. Если человѣкъ отдаетъ весь свой трудъ другимъ, питается недостаточно, отдаетъ малыхъ дѣтей въ тяжелую работу, уходитъ отъ земли и посвящаетъ всю свою жизнь ненавистному и ненужному для себя труду, какъ это происходитъ на нашихъ глазахъ, въ нашемъ мірѣ (называемомъ нами образованнымъ, потому что мы въ немъ живемъ), то навѣрно можно сказать, что онъ дѣлаетъ это только вслѣдствіе того, что за неисполненіе всего этого ему угрожаютъ лишеніемъ жизни. И потому въ нашемъ образованномъ мірѣ, гдѣ большинство людей при страшныхъ лишеніяхъ исполняютъ ненавистныя и ненужныя имъ работы, большинство

людей находится въ порабощеніи, основанномъ на угрозѣ лишенія жизни. Въ чемъ это порабощеніе? И въ чемъ же угроза лишенія жизни?

Въ древнія времена способъ порабощенія и угроза лишенія жизни были очевидны: употреблялся первобытный способъ порабощенія людей, состоящій въ прямой угрозѣ убійства мечомъ. Вооруженный говорилъ безоружному: я могу убить тебя, какъ ты видѣлъ я сейчасъ сдѣлалъ съ твоимъ братомъ, но я не хочу дѣлать этого, я милую тебя — во первыхъ потому, что мнѣ и тебѣ будетъ выгоднѣе работать на меня, чѣмъ быть убиту. И такъ, дѣлай все что я велю, а если откажешься, то я убью тебя; и безоружный подчинялся вооруженному и дѣлалъ все то, что приказывалъ вооруженный. Безоружный работалъ, вооруженный угрожалъ. Это было то личное рабство, которое первое появляется у всѣхъ народовъ и теперь еще встрѣчается у первобытныхъ народовъ. Этотъ способъ порабощенія людей входитъ первый, но съ усложненіемъ жизни способъ этотъ видоизмѣняется. Способъ этотъ при усложненіи жизии представляетъ большія неудобства для насильника. Насильнику, чтобы пользоваться трудомъ слабыхъ, необходимо ихъ кормить и одѣвать, т. е. содержать ихъ такъ, чтобы они были способны къ работѣ и этимъ самымъ ограничивается число порабощенныхъ; кромѣ того этотъ способъ принуждаетъ насильника безпрестанно съ угрозой убійства стоять надъ порабощеннымъ. И вотъ вырабатывается другой способъ порабощенія.

Пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, какъ это записано въ Библіи, былъ изобрѣтенъ Іосифомъ Прекраснымъ этотъ новый, болѣе удобный и широкій способъ порабощенія людей. Способъ этотъ—тотъ же самый, который употребляютъ въ новое время для укрощенія непокорныхъ лошадей

и дикихъ звѣрей въ звѣринцахъ. Способъ этотъ — голодъ.

Вотъ какъ описывается это изобрѣтеніе въ Библіи. Бытія гл. 41, ст. 48:—И собралъ онъ всякій хлѣбъ, семи лѣтъ, которые были (плодородны) въ землѣ Египетской и положилъ хлѣбъ, въ городахъ, въ каждомъ городѣ положилъ хлѣбъ полей, окружающихъ его.

49. — И скопилъ Іосифъ хлѣба весьма много, какъ неску морского, такъ что пересталъ и считать, потому что не достало счета.

53. — И прошли семь лѣтъ изобилія, которое было въ землѣ Египетской.

54. — И наступили семь лѣтъ голода, какъ сказалъ Іосифъ. И былъ голодъ во всѣхъ земляхъ, а во всей землѣ Египетской былъ хлѣбъ.

55. — Но когда и земля Египетская начала терпѣть голодъ, то народъ началъ вопить къ Фараону о хлѣбѣ. И сказалъ Фараонъ всѣмъ Египтянамъ: подите къ Іосифу и что онъ вамъ скажетъ, то дѣлайте.

56. — И голодъ былъ во всей землѣ. и отворилъ Іосифъ всѣ житницы и сталъ продавать хлѣбъ Египтянамъ. Голодъ же усиливался въ землѣ Египетской.

57. — И изъ всѣхъ странъ приходили покупать хлѣбъ у Іосифа; потому что голодъ усилился по всей землѣ.

Іосифъ, пользуясь правомъ первобытнаго способа порабощенія людей угрозою меча, собралъ хлѣбъ въ хорошіе года, ожидая дурныхъ, которые обыкновенно слѣдуютъ за хорошими, что знаютъ всѣ люди и безъ сновидѣній Фараона, и этимъ средствомъ — голодомъ—сильнѣе и удобнѣе для Фараона поработилъ и Египтянъ и всѣхъ другихъ жителей окрестныхъ странъ. Когда же народъ сталъ чувствовать голодъ, онъ поставилъ дѣло такъ, чтобы на-

всегда держать народъ въ своей власти — голодомъ. Въ главѣ 47-й это описывается такъ: 47 гл.—ст. 13: — И не стало хлѣба по всей землѣ; потому что голодъ весьма усилился, и изнурены были отъ голода земля Египетская и земля Ханаанская.

14. — И собралъ Іосифъ все серебро, какое было въ землѣ Египетской и въ землѣ Ханаанской за хлѣбъ, который покупали, и внесъ Іосифъ серебро въ домъ Фараоновъ.

15. — И истощилось серебро въ землѣ Египетской и въ землѣ Ханаанской. И пришли всѣ Египтяне къ Іосифу и говорили: дай намъ хлѣба; для чего намъ умирать передъ тобою, потому что вышло серебро?

16. — И сказалъ Іосифъ: отдайте скотъ вашъ, и я дамъ вамъ за скотъ вашъ, если вышло серебро.

17. — И приводили они къ Іосифу скотъ свой; и давалъ имъ Іосифъ хлѣба за лошадей, и за стада мелкаго скота, и за стада крупнаго скота, и за ословъ, и снабжалъ ихъ хлѣбомъ въ тотъ годъ за весь скотъ ихъ.

18. — И прошелъ этотъ годъ и пришли къ нему на другой годъ, и сказали ему: не скроемъ отъ господина нашего, что серебро истощилось и стада скота у господина нашего; ничего не осталось у насъ передъ господиномъ нашимъ, кромѣ тѣлъ нашихъ и земель нашихъ.

19. — Для чего намъ погибать въ глазахъ твоихъ и намъ и землямъ нашимъ? Купи насъ и земли наши за хлѣбъ, и мы съ землями нашими будемъ рабами Фараона, а ты дай намъ сѣмянъ, чтобы намъ жить и не умереть, и чтобы не опустѣла земля.

20. — И купилъ Іосифъ всю землю Египетскую для Фараона, потому что продали Египтяне каждый свое поле; ибо голодъ одолѣвалъ ихъ. И досталась земля Фараону.

21. — А народъ переводилъ онъ въ города отъ одного конца области Египта до другаго конца.

22. — Только земли жрецовъ не купилъ онъ, потому что жрецамъ отъ Фараона положенъ былъ участокъ, и они питались своимъ участкомъ земли, который далъ имъ Фараонъ, потому и не продали земли своей.

23. — И сказалъ Іосифъ народу: вотъ я купилъ теперь для Фараона васъ и землю вашу, вотъ вамъ сѣмена и засѣвайте землю.

24. — Когда будетъ жатва, давайте пятую часть Фараону; а четыре части останутся вамъ на засѣяніе полей, на пропитаніе вамъ и тѣмъ, кто въ домахъ вашихъ и на пропитаніе дѣтямъ вашимъ.

25. — И сказали они: ты спасъ намъ жизнь, да обрѣтемъ милость въ глазахъ господина нашего и да будемъ рабами Фараону.

26. — И поставилъ Іосифъ законъ о землѣ Египетской, даже до сегодня: пятую часть Фараону. Одна только земля жрецовъ не принадлежала Фараону. Прежде Фараону, чтобы пользоваться трудами людей, надо было силою заставить на себя работать; теперь же, когда запасы и земля у Фараона, ему нужно только силою беречь эти запасы и онъ голодомъ можетъ заставить ихъ работать на себя.

Земля вся у Фараона и запасы (отбираемая часть) всегда у него, и потому вмѣсто того, чтобы подгонять каждаго отдѣльно на работу мечемъ, стоитъ только силою беречь запасы и люди порабощены ужъ не мечемъ, а голодомъ.

Въ голодный годъ всѣ могутъ быть по волѣ Фараона заморены голодомъ, а въ неголодный годъ могутъ быть за-

морены всѣ тѣ, у которыхъ отъ случайныхъ невзгодъ нѣтъ запасовъ хлѣба.

И устанавливается второй способъ порабощенія не прямо мечомъ, т. е. не тѣмъ, что сильный съ угрозой убійства гоняетъ слабаго на работу, но тѣмъ, что сильный, отобравъ запасы и охраняя ихъ мечемъ, заставляетъ слабаго отдаваться въ работу за кормъ.

Іосифъ говоритъ голоднымъ: Я могу заморить васъ голодомъ, потому что хлѣбъ у меня, но я милую васъ только съ тѣмъ, чтобы вы за хлѣбъ, который я буду вамъ давать, дѣлали бы то, что я велю.

Для перваго способа порабощенія сильному необходимо имѣть только воиновъ, которые бы постоянно разъѣзжали по жителямъ и подъ угрозой смерти приводили бы въ исполненіе требованіе сильнаго. Для перваго способа насильнику нужно дѣлиться только съ воинами. При второмъ же способѣ, кромѣ воиновъ, необходимыхъ насильнику, для обереганія отъ голодныхъ земли и запасовъ хлѣба, ему необходимы и другого рода помощники — большіе и малые Іосифы — управители и раздатчики хлѣба. И насильнику приходится дѣлиться съ ними и дать Іосифу парчевую одежду, золотое кольцо, и прислугу, и хлѣбъ, и серебро его братьямъ и роднымъ. Кромѣ того, по самой сущности дѣла участниками насилія при второмъ способѣ становятся не только распорядители и ихъ родные, но и всѣ тѣ, которые имѣютъ запасы хлѣба. Какъ при первомъ способѣ, основанномъ на грубой силѣ, становился участникомъ насилія всякій имѣющій оружіе, такъ при этомъ способѣ, основанномъ на голодѣ, участвуетъ въ насиліи и властвуетъ всякій, имѣющій запасы надъ неимѣющими ихъ.

Выгода этого способа передъ первымъ состоитъ для насильника въ томъ: 1) и главное, что онъ уже болѣе не

обязанъ усиліями принуждать рабочихъ исполнять его волю, а рабочіе сами приходятъ и продаются ему; 2) въ томъ, что меньшее количество людей ускользаетъ отъ его насилія; невыгоды же для насильника только въ томъ, что онъ дѣлится при этомъ способѣ съ большимъ числомъ людей. Выгоды для насилуемаго при этомъ способѣ въ томъ, что насилуемые не подвергаются болѣе грубому насилію, а предоставляются самимъ себѣ и всегда могутъ надѣяться, и иногда дѣйствительно могутъ при счастливыхъ условіяхъ перейти изъ насилуемыхъ въ насилующихъ; не выгоды же ихъ тѣ, что они никогда уже не могутъ ускользнуть отъ извѣстной доли насилія. Новый этотъ способъ порабощенія входитъ обыкновенно въ употребленіе вмѣстѣ съ старымъ и сильный по мѣрѣ надобности сокращаетъ одинъ и распространяетъ другой. Но и этотъ способъ порабощенія не удовлетворяетъ вполнѣ желаніямъ сильнаго какъ можно больше отобрать произведеній труда отъ наибольшаго числа работниковъ и поработить какъ можно большее число людей и не соотвѣтствуетъ болѣе усложняющимся условіямъ жизни, и выработывается еще новый способъ порабощенія. Новый и третій способъ этотъ есть способъ дани. Способъ этотъ основывается такъ же какъ и второй на голодѣ, но къ средству порабощенія людей лишеніемъ хлѣба присоединяется еще и лишеніе ихъ и другихъ необходимыхъ потребностей. Сильный назначаетъ съ рабовъ такое количество денежныхъ знаковъ, находящихся у него же, за которые, чтобы пріобрѣсти ихъ, рабы обязаны продать не только запасы хлѣба въ большей мѣрѣ, чѣмъ та пятая часть, которую назначилъ Іосифъ, но и предметы первыхъ потребностей: мясо, кожу, шерсть, одежды, топливо, постройки даже, и потому насильникъ держитъ всегда въ своей зависимости рабовъ не только

страхомъ, но и голодомъ, и нуждой, и холодомъ, и всякими другими лишеніями.

И устанавливается третья форма рабства денежнаго, состоящаго въ томъ, что сильный говоритъ слабому: я съ каждымъ изъ васъ отдѣльно, могу сдѣлать все, что хочу, могу прямо ружьемъ убить каждаго, могу убить тѣмъ, что отниму землю, которою вы кормитесь, могу за денежные знаки, которые вы должны мнѣ доставить, купить весь тотъ хлѣбъ, которымъ вы кормитесь и продать его чужимъ людямъ и всякую минуту уморить всѣхъ васъ голодомъ, могу отобрать все, что у васъ есть: и скотъ, и жилища, и одежды, но мнѣ неудобно это и непріятно, и потому я вамъ всѣмъ предоставляю распоряжаться вашей работой и вашими произведеніями труда, какъ вы хотите, только подавайте мнѣ столько то денежныхъ знаковъ, требованіе которыхъ я распредѣляю или по головамъ, или по землѣ, на которой вы сидите, или по количеству пищи или питья вашего, или вашихъ одеждъ, или построекъ. Подавайте мнѣ эти знаки, а между собой распоряжайтесь какъ хотите, но знайте, что я не буду защищать и отстаивать ни вдовъ, ни сиротъ, ни больныхъ, ни старыхъ, ни погорѣлыхъ; я буду защищать только правильность обращенія этихъ денежныхъ знаковъ.

Правъ будетъ передо мной и будетъ отстаиваться мною только тотъ, кто правильно подаетъ мнѣ, сообразно требованію, установленное количество денежныхъ знаковъ. А какъ они пріобрѣтены—мнѣ все равно. И сильный только выдаетъ эти знаки, какъ квитанціи въ томъ, что требованія его исполнены.

Второй способъ порабощенія состоитъ въ томъ, что отбирая пятую часть урожая и составляя себѣ запасы хлѣба, Фараонъ, кромѣ личнаго порабощенія мечемъ, получаетъ

вмѣстѣ съ своими помощниками возможность властвованія надъ рабочими людьми во время голода и надъ нѣкоторыми изъ нихъ во время постигающихъ ихъ невзгодъ. Третій способъ въ томъ, что Фараонъ требуетъ отъ рабочихъ денегъ больше, чѣмъ стоитъ та часть хлѣба, которую онъ бралъ у нихъ и получаетъ со своими помощниками новое средство властвованія надъ рабочими не только во время голода и случайныхъ невзгодъ, но всегда. При второмъ способѣ у людей остаются запасы хлѣба помогающіе имъ, не отдаваясь въ рабство, переносить не большіе недороды и случайно выпадающія невзгоды; при третьемъ способѣ, когда требованій предъявлено больше, то отбираются и запасы хлѣба и всякіе другіе запасы предметовъ первой необходимости и при малѣйшей невзгодѣ работникъ, не имѣя ни запасовъ хлѣба, ни другихъ запасовъ, которые онъ могъ бы промѣнять на хлѣбъ, подвергается рабству, тѣмъ, у кого есть деньги. Для перваго способа насильнику нужно имѣть только воиновъ и дѣлиться только съ ними; для второго ему нужно имѣть кромѣ охранителей земли и запасовъ хлѣба еще собирателей и прикащиковъ для раздачи этого хлѣба; для третьяго способа ему нельзя уже самому владѣть всею землею, а нужно имѣть кромѣ воиновъ для сбереженія земли и богатствъ еще землевладѣльцевъ и собирателей дани, распредѣлителей и по головамъ или по предметамъ потребленія, наблюдателей, таможныхъ служителей, распорядителей деньгами и дѣлателей ихъ. Организація третьяго способа гораздо сложнѣе второго; при второмъ способѣ собираніе хлѣба можно отдать и на откупъ, какъ это дѣлалось въ старину и теперь дѣлается въ Турціи; при обложеніи же рабовъ податями необходима сложная администрація людей, слѣдящихъ за тѣмъ, чтобы люди или ихъ поступки, обложен-

ные данью, не ускользали отъ дани. И потому при третьемъ способѣ насильнику приходится дѣлиться еще съ большимъ количествомъ людей, чѣмъ при второмъ способѣ, кромѣ того, по самой сущности дѣла участниками третьяго способа становятся всѣ тѣ люди, той же или чужой стороны, которые имѣютъ деньги. Выгоды этого способа для насильника передъ первымъ и вторымъ состоятъ въ слѣдующемъ:

Во первыхъ, въ томъ, что посредствомъ этого способа можетъ быть отобрано большее количество труда и болѣе удобнымъ способомъ, такъ какъ денежная подать подобна винту: можетъ быть легко и удобно завинчиваема до того послѣдняго предѣла, при которомъ только не убивается золотая курица, такъ что не нужно дожидаться голоднаго года, какъ при Іосифѣ, а голодный годъ устроенъ навсегда.

Во вторыхъ, въ томъ, что при этомъ способѣ насиліе распространяется на всѣхъ ускользавшихъ прежде безземельныхъ людей, отдававшихъ прежде только часть своего труда за хлѣбъ, теперь же обязанныхъ, кромѣ той части, которую они отдали за хлѣбъ, отдавать еще часть этого труда на подати насильнику. Не выгода же для насильника въ томъ, что онъ при этомъ способѣ дѣлится съ большимъ количествомъ людей, не только своихъ непосредственныхъ помощниковъ, но во первыхъ всѣхъ тѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ, которые обыкновенно появляются при этомъ третьемъ способѣ; во вторыхъ, со всѣми тѣми людьми своего, и даже чужого народа, имѣющими денежные знаки, которые требуются съ рабовъ. Выгода для насилуемаго сравнительно со вторымъ способомъ одна: въ томъ, что онъ получаетъ еще большую личную независимость отъ насильника; онъ можетъ жить, гдѣ хочетъ,

дѣлать, что хочетъ, сѣять и не сѣять хлѣбъ, не обязанъ отдавать отчетъ въ своей работѣ и имѣя деньги можетъ считать себя совершенно свободнымъ и постоянно надѣяться и достигать, когда у него есть лишнія деньги или купленная на нихъ земля, положенія не только независимаго, но и насилующаго. Невыгода же его та, что въ общей сложности при этомъ третьемъ способѣ положеніе насилуемыхъ становится гораздо тяжелѣе и они лишаются большей части произведеній своего труда, такъ какъ при этомъ третьемъ способѣ, количество людей, пользующихся трудами другихъ людей, становится еще больше и потому тяжесть содержанія ихъ ложится на меньшее число. Этотъ третій способъ порабощенія людей тоже очень старый и входитъ въ употребленіе вмѣстѣ съ двумя прежними, не исключая ихъ совершенно. Всѣ три способа порабощенія людей никогда не переставали существовать. Всѣ три способа можно сравнить съ винтами, прижимающими ту доску, которая наложена на рабочихъ и давитъ ихъ. Коренной, основной — средній винтъ, безъ котораго не могутъ держаться и другіе винты, тотъ, который завинчивается первый и никогда не отпускается — это винтъ личнаго рабства, порабощенія однихъ людей другими посредствомъ угрозы убійства мечемъ; второй винтъ, завинчивающійся уже послѣ перваго,—порабощеніе людей отнятіемъ земли и запасовъ пищи—отнятіе, поддерживаемое личной угрозой убійства и третій винтъ—это порабощеніе людей посредствомъ требованія денежныхъ знаковъ, которыхъ у нихъ нѣтъ, поддерживаемое тоже угрозой убійства. Всѣ три винта завинчены и когда туже натягивается одинъ, тогда только слабнутъ другіе. Для полнаго порабощенія рабочаго необходимы всѣ три винта, всѣ три способа порабощенія, и въ нашемъ обществѣ употребляются всегда

три способа порабощенія, всегда завинчены всѣ три винта.

Первый способъ порабощенія людей личнымъ насиліемъ и угрозой убійства мечемъ никогда не уничтожался и не уничтожится до тѣхъ поръ, пока будетъ какое бы то ни было порабощеніе однихъ людей другими, потому что на немъ зиждется всякое порабощеніе. Мы всѣ очень наивно увѣрены, что рабство личное уничтожено въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ, что послѣдніе остатки его уничтожены въ Америкѣ и Россіи, а что теперь только у варваровъ есть рабство, а у насъ его нѣтъ. Мы забываемъ только про маленькое обстоятельство, про тѣ сотни милліоновъ постояннаго войска, безъ котораго нѣтъ ни одного государства, и при уничтоженіи котораго неизбѣжно рушится весь экономическій строй каждаго государства. А что же эти милліонны солдатъ, какъ не личные рабы тѣхъ, кто ими управляетъ? Развѣ эти люди не принуждены къ исполненію всей воли своихъ владѣльцевъ подъ угрозой истязаній и смерти, угрозой, такъ часто приводимой въ исполненіе; разница только въ томъ, что подчиненіе этихъ рабовъ называютъ не рабствомъ, а дисциплиной, и что тѣ были рабами отъ рожденія до смерти, а эти, болѣе или менѣе короткое время, такъ называемой ихъ службы. Рабство личное не только не уничтожено въ нашихъ цивилизованныхъ обществахъ, но съ общей воинской повинностью, оно усилилось въ послѣднее время и, какъ оно было всегда, такъ и теперь остается, только нѣсколько измѣнилось. И оно не можетъ не быть, потому что покуда будетъ порабощеніе одного человѣка другимъ—будетъ и это личное рабство, то, которое угрозой мечемъ поддерживаетъ земельное и податное порабощеніе людей. Можетъ быть, что это рабство, т. е. войско, очень нужно, какъ говорятъ,

для защиты и славы отечества, но эта польза его больше чѣмъ сомнительна, потому что мы видимъ, какъ оно часто при неудачныхъ войнахъ служитъ для порабощенія и посрамленія отечества, но совершенно несомнѣнна цѣлесообразность этого рабства для поддержанія земельнаго и податнаго порабощенія. Завладѣй ирландцы или русскіе мужики землями владѣльцевъ и придутъ войска и возьмутъ ихъ назадъ. Построй винный или пивоваренный заводъ и не плати акциза, придутъ солдаты и прекратятъ заводъ. Откажись платить подати — будетъ тоже.

Второй винтъ это способъ порабощеніе людей отнятіемъ у нихъ земли, и потому ихъ запасовъ пищи. Способъ порабощенія этотъ тоже существовалъ и существуетъ всегда, гдѣ люди порабощены, и какъ бы онъ ни видоизмѣнялся, онъ существуетъ вездѣ. Иногда вся земля принадлежитъ государю, какъ въ Турціи и отбирается $^1/_{00}$ урожая въ казну, иногда часть ея и собирается съ нея подать, иногда вся земля принадлежитъ малому числу лицъ и за нее взимается доля труда, какъ въ Англіи, иногда большая или меньшая часть принадлежитъ крупнымъ землевладѣльцамъ, какъ въ Россіи, Германіи и Франціи. Но тамъ гдѣ есть порабощеніе, есть и присвоеніе земли порабощеніемъ. Винтъ этого порабощенія людей ослабляется или притягивается по мѣрѣ того, какъ туго натянуты другіе винты — такъ, въ Россіи, когда порабощеніе личное было распространено на большинство рабочихъ, поземельное порабощеніе было излишне, но винтъ личнаго рабства въ Россіи ослабленъ былъ только тогда, когда подняты были винты поземельнаго и податнаго порабощенія. Приписали всѣхъ къ обществамъ, затруднили переселеніе и всякое перемѣщеніе, присвоили себѣ или роздали земли частнымъ людямъ и потомъ отпустили на „волю.“ Въ Ан-

гліи, напримѣръ, дѣйствуетъ преимущественно порабощеніе поземельное и вопросъ національзаціи земли состоитъ только въ томъ, чтобы подтянуть винтъ податной, чтобы ослабъ винтъ поземельнаго порабощенія.

Третій способъ порабощенія — данью, податью — точно также существовалъ и въ наше время, съ распространеніемъ однообразныхъ въ разныхъ государствахъ денежныхъ знаковъ, и усиленіемъ государственной власти, получилъ только особенную силу. Этотъ способъ въ наше время такъ выработался, что онъ стремится уже замѣнить второй способъ порабощенія — поземельнаго. Это тотъ винтъ, при завинчиваніи котораго ослабляется винтъ поземельнаго, какъ это очевидно на экономическомъ положеніи всей Европы. Мы на нашей памяти пережили въ Россіи два перехода рабства изъ одной формы въ другую: когда освободили крѣпостныхъ и помѣщикамъ оставляли права на большую часть земли, помѣщики боялись, что власть ихъ надъ ихъ рабами ускользаетъ отъ нихъ, но опытъ показалъ, что имъ нужно было только выпустить изъ рукъ старую цѣпь личнаго рабства и перехватить другую — поземельную. У мужика не хватило хлѣба, чтобы кормиться, а у помѣщика была земля и запасы хлѣба, и потому мужикъ остался тѣмъ же рабомъ. Слѣдующій переходъ былъ тотъ, когда правительство подвинтило очень туго своими податями другой винтъ — податной и большинство рабочихъ принуждено продаваться въ рабство къ помѣщикамъ и на фабрики. И новая форма рабства захватила еще туже народъ, такъ что $^{9}/_{10}$ русскаго рабочаго народа работаютъ у помѣщиковъ и фабрикантовъ только потому, что ихъ принуждаетъ къ тому требованіе податей государственныхъ и поземельныхъ. Это до такой степени очевидно, что попробуй правительство годъ не взыскивать пода-

тей прямыхъ, косвенныхъ и поземельныхъ, и остановятся всѣ работы на чужихъ поляхъ и фабрикахъ. Девять десятыхъ русскаго народа нанимаются во время сбора податей и подъ подати.

Всѣ три способа порабощенія людей не переставали существовать и существуютъ и теперь; но люди склонны не замѣчать ихъ, какъ скоро этимъ способамъ даютъ новыя оправданія. И что странно, что именно этотъ самый способъ, на которомъ въ данное время все зиждется — тотъ винтъ, который держитъ все — онъ то и не замѣчается.

Когда въ древнемъ мірѣ весь экономическій строй держался на личномъ рабствѣ, величайшіе умы не могли видѣть его. И Ксенофонту, и Платону, и Аристотелю, и Римлянамъ казалось, что это не можетъ быть иначе и что рабство есть неизбѣжное и естественное послѣдствіе войнъ, безъ которыхъ немыслимо человѣчество. Точно также въ средніе вѣка и даже до послѣдняго времени люди не видѣли значенія земельной собственности и вытекающаго изъ него рабства, на которомъ держался весь экономическій строй среднихъ вѣковъ. И точно также теперь, никто не видитъ и даже не хочетъ видѣть того, что въ наше время порабощеніе большинства людей держится на денежныхъ податяхъ государственныхъ и поземельныхъ, собираемыхъ правительствами съ ихъ подданныхъ, — податяхъ, собираемыхъ посредствомъ управленія и войска, того самаго управленія и войска, которыя содержатся податями.